

но и перед народом. Поэтому он должен быть всегда честен, прямодушен и благороден. «Льстить государю есть преступление измены, виннейшее перед ним, нежели бунт открытый, и пагубнейшее, нежели явная война» («Сокращение философии», стр. 209). Эти наставления, как и почти сатирические портреты любимцев в биографии Бэкона, были очень уместны в России 1760 года.

Не прошли, должно быть, мимо внимания современников Тредиаковского и те главы «Сокращения философии», в которых автор обращался к рассмотрению роли различных сословий в государстве. В главе «Об увеличении государств» дворянство, как будто в полном соответствии с политикой «дворянской царицы», именовалось «подпорой престола». Но далее, когда речь заходила об отношениях дворянства с народом, смысл, равно как и тон рассуждений, существенно менялся: «Государство, хотящее увеличиться, — говорится в книге, — долженствует опасаться корпуса дворянского: ибо ежели дворянством утеснится народ, то приключится бывающее в лесах, где высокие деревья подавляют молодые отростки. Сколько б тогда ни умножалось народом государство, однако отнюдь не будет сильняе» («Сокращение философии», стр. 119). О паразитизме дворянства и духовенства откровенно трактовала глава «О смятениях и бунтах»: «Излишнее дворянство приводит в убожество государство; многолюдное духовенство оглощает его: сии два корпуса снедают часть самую существенную всякия державы, то есть народ бодрствующий и труждающийся, а в то время другая часть спит, кушает и упражняется разве в нужном деле своих потех» («Сокращение философии», стр. 126).

Все эти высказывания имели в русских условиях четкий политический адрес.

Усиление гнета помещиков в период войны, жестокая эксплуатация крестьян, приписанных к монастырям, — обо всем этом, вызывающем «смятения и бунты», много говорилось в книге. Предупреждая государей о всегдашней опасности народных возмущений, автор почти не останавливается на вопросе о подавлении бунтов. Зато он подробно разбирает порождающие причины, которые призван устранить истинно просвещенный властитель. «Материя смятений есть в народной бедности и во всеобщем неудовольствии», — утверждает автор, ища виновников государственных неурядиц среди знати и духовенства, угнетающих народ.

В переводе Тредиаковского можно отметить резкие места, в которых говорилось об унижительность сохранения рабства в просвещенной стране. «На подлых невольников полагается смотрение за скотом; но тиранам и есть только один стыд повелевать невольникам. Порабощением уничивается владычественная державность. Но есть ли что славнейшее, как царствование над вольными.